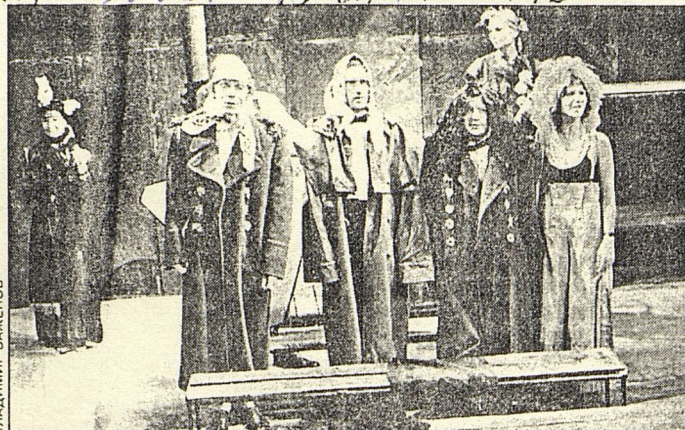

Дяди Вани, сестры Прозоровы, львы и куропатки

«Молитва клоунов» в театре Юрия Погребничко

издана 1999 — 15 сент. — с. 10

Альга БОГОМОЛОВА

Молитвами этих клоунов живет сегодня Чехов

В Москве есть два режиссера, живущих вдали от суеты, замкнувшись в своих театральных экспериментах, — Анатолий Васильев и Юрий Погребничко. Но если имя Васильева всегда существует в ореоле театральной святости и избранности, если его студия оказывается своеобразным «символом веры», которая год от года превращается в роскошное возрожденческое «палаццо», прорастая вверх сквозь этажи здания и излучая из окон, выходящих на Поварскую улицу, неземной свет, то маленький театрик Юрия Погребничко «ОКОЛО дома Станиславского» в Вознесенском переулке выглядит хижинкой отшельника со старой, вросшей в землю дверью и наглухо закрытыми изнутри ставнями, с обитой ржавым железом крошечной сценой и покосившимися от времени стенами старого дома. У Васильева торжественно принимают «посвященных» — к Погребничко ходят друзья и гости.

Когда-то Погребничко населил свой дом странными, непонятными чеховскими героями в шинелях, вывернутых наизнанку, убогими, печальными существами, которые жили на фоне голой кирпичной стены и слушали песни про Таганку и Колыму. Потом оказалось, что эти герои могут жить в любой среде — в вампировском «Старшем сыне» и в «Винни-Пухе» Милна, в «Трех мушкетерах» Дюма и в кабаре «Русская тоска» — к ним привыкли, будто к родственникам, вечно говорящим и делающим одно и то же, будто к вещам, составляющим привычную обстановку.

С момента возникновения театра «ОКОЛО дома Станиславского» прошло так много времени, что шинели проросли искусственными цветами, а жизнь проросла Чеховым — последняя премьера Юрия Погребничко «Молитва клоунов» имеет подзаголовок «Все пьесы Чехова». На самом деле там нет ни одной пьесы — это мозаика из фраз, обрывочных вскриков, путающихся диалогов, которые вдруг становятся диалогами из других пьес.

Действия нет, сюжета нет — герои в пальто и шинелях проходят через сцену, бродят в поисках друг друга, присаживаются на деревянные скамейки и снова уходят. Так слоняются по дому «от нечего делать». Путаются сестры Прозоровы, Аркадина и Нина, то оказывается, что их несколько, то — ни одной. Медведенко вечно спрашивает, где Маша, Раневская в красном парике и штанах из мешковины вдруг откликается на обращение «Пятачок», разыгрывая эпизод из спектакля «Винни-Пух», актриса Наталья Рожкова тихо напевает французскую мелодию в костюме из спектакля «Русская тоска», а Сорин вдруг неожиданно внятно и связно рассказывает историю про человека «который хотел». Погребничко в сообществе со своими постоянными актерами Лилией Загорской, Еленой Слюсаревой, Валерием Прохоровым, Юрием Павловым и другими рисует театр, где все давно забыли, что они играют, — вышла на небольшие подмостки девушка в белом платье, нехотя спела романс, вышла другая в белом платье и шапке-ушанке, и вдруг вместо ожидаемой песни у нее из головы выросла под музыку искусственная гвоздика на длинной проволоке.

Нет действующих лиц, почти нет текста — актеры перекидываются полусловами, полусиловыми, полуслушаниями, из которых не возникает ни сюжета, ни истории, ничего похожего на спектакль, но возникает об-

раз жизни, что никак не станет пьесой, да и не должна. Художник пишет картину для вечности, предварительно отработывая детали в десятках эскизов, — Погребничко сначала выпускает спектакль, а потом начинает дробить его бесчисленными этюдами, зарисовками, эскизами.

«Молитва клоунов» — не столько спектакль, сколько пауза, которую держит режиссер. Это сборник «Из неопубликованного», который выходит небольшим тиражом между переизданиями собраний сочинений. Погребничко не нужна вечность — легенды, ненавидящие и обожающие ученики, фанатизм актеров и публики. Вся его одинокая бродячая театральная жизнь кажется одним только «неопубликованным» — бесконечным повторением театральных гамм из шинелей, ржавого железа и мигающих разноцветных лампочек на деревянном облеслом столбе. В «Молитве клоунов» впервые сквозит ощущение спокойствия и защищенности, как будто режиссер чувствует себя дома — без боязни ошибок, неверных ходов и упреков со стороны. И если раньше спектакли Погребничко приносили чувство тревоги и тоску, то сегодня зритель приходит в театр «ОКОЛО дома Станиславского» в поисках утраченной цельности, выглядывая в повторяющихся без конца образах, в жалостливой бессвязности сюжета собственное — потускневшее от времени — счастье.